

Дина Файнберг

ПО АМЕРИКЕ В ПОИСКАХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДУШИ: СОВЕТСКИЕ ЖУРНАЛИСТЫ-МЕЖДУНАРОДНИКИ В США

«Толпа — повелитель Бродвея. Исчезни толпа, погаснут его огни. Но толпа не исчезает, потому что она — раб Бродвея. Он властвует над ней, разделяя ее своими зрелищами. Он берет ее в плен по частям, призывая к себе в союзники обилие и убожество американского буржуазного века. Приметами века Бродвей забит сверху донизу, от ожерелий рекламы до днищ своих витрин. <...> Бродвей умеет превращать их в амулеты на шею дикаря: сгинь, злая сила скуки, пустоты и бессмысленности существования, сгинь с поворотом колесика на транзисторе. Технически век обилен, а духовно человек убог — вот рабочая ставка Бродвея»¹. Эти строки были написаны Станиславом Кондрашовым, корреспондентом газеты «Известия» в Нью-Йорке в 1966 г. Кондрашов был одним из многих журналистов, командированных в США в качестве зарубежных корреспондентов советских газет и новостных агентств с начала 1950-х гг. до распада Советского Союза. Во время и после командировок Кондрашов, как и многие другие журналисты, писал статьи и книги, подробно описывавшие жизнь, культуру и особенности национального характера американского народа.

В этой статье проанализированы работы советских корреспондентов, работавших в США с середины 1950-х гг. до конца 1970-х. Я покажу, что отзывы советских журналистов об Америке преследовали просветительскую цель — показать читателям ценность социалистических идей и привить им представления о качествах, характерных для социалистической личности. В своей работе журналисты-международники брали на себя роль «инженеров человеческих душ», возлагавшуюся социалистической идеологией на писателей и журналистов. Описания Америки позволяли журналистам размышлять о типах личности, которые развиваются под влиянием капитализма и социализма, влиять на мнения читателей об идеальной социалистической личности, а также участвовать в непрерывной дискуссии относительно особенностей социалистического общества. Некоторые историки и современники считают наблюдения журналистов в США ложью и пропагандой, шаблонным повторением лозунгов партии².

---

¹ Кондрашов С.Н. Американцы в Америке. М.: Известия, 1970. С. 102–103.

² См.: например: *Shiraev E., Zubok V. Anti-Americanism in Russia: from Stalin to Putin.* New York: Palgrave, 2000. P. 21; *Bliss E. K. Daily Life in the Soviet Union.* Westport, Conn.: Greenwood Press, 2004. P. 273.

В своей работе я обращаю внимание на то, что у каждого журналиста был уникальный литературный стиль, предпочтительные темы и большой личный вклад в тексты и идеи. Сравнительный анализ работ двух выдающихся журналистов-международников — Станислава Кондрашова из «Известий» и Бориса Стрельникова из «Правды» — продемонстрирует, как работа этих авторов проявляла их индивидуальные интересы, моральный вклад, а также понимание своей роли писателей и просветителей.

Первое поколение журналистов-международников периода холодной войны, которые специализировались исключительно на освещении событий за рубежом, начало работать в конце 1940-х или в начале 50-х гг. прошлого века. Но только с приходом хрущевской «оттепели» они были продвинуты на посты корреспондентов, проживающих за границей. Возрастающая открытость Советского Союза к информации о событиях за рубежом, а также революция прессы, начатая приверженцами Н.С. Хрущева, дали толчок к повышению этих сравнительно молодых профессионалов и их назначению на важные посты в главные бастионы капитализма¹.

Новая когорта журналистов, которая принесла серьезные изменения в советскую прессу, принадлежала к поколению шестидесятников — группе, на которую очень повлияла речь Хрущева «О культе личности» и последующая относительная либерализация советской литературы и общественной жизни. Многие представители поколения шестидесятников верили, что социализм был высшей социальной системой, и принимали выступления Хрущева как призыв к возрождению социалистических идей и ценностей. Печатные издания — книги, газеты и журналы — были главными вестниками реформы. Журналисты положили начало постсталинской эре общественного диалога и попытались понять прошлое и будущее своего общества. Журналистика сыграла очень важную роль в этом процессе. Для «оттепели» в журналистике было характерно расширение новостных тем и общение прессы с читателями, а также повышенное внимание к судьбам отдельных людей. Новым направлением прессы было стремление к побуждению мышления публики и ее воспитание с помощью обращения к культурным темам, а также создание условий для продолжительной дискуссии о желаемых качествах социалистического общества и социалистической личности².

Новые тенденции в области журналистики очень сильно повлияли на положение журналистов-международников. В связи с возрастающим интересом Советского Союза к международной информации и с расширением советской пропаганды за рубежом, становилось всё более необходимым иметь зарубежного

¹ *Wolfe T. C. Governing Soviet Journalism. The Press and the Socialist Person After Stalin.* Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 2005. P. 33–70. См. также: *Аджубей А.* Те десять лет. М.: Советская Россия, 1989.

² *Wolfe T. C. Governing Soviet Journalism, 33–70; Zubok V. 1) A Failed Empire: The Soviet Union in the Cold War from Stalin to Gorbachev.* Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2007. P. 17–179; 2) *Zhivago's Children: The Last Russian Intelligentsia.* Cambridge, Mass.: Belknap Press of Harvard University Press, 2009. P. 140–149; *Зубкова Е.Ю.* Общество и реформы, 1945–1964. М.: Россия молодая, 1993. С. 137–145, 167–179; *Грабельников А. А.* Журналисты XX века: Люди и судьбы. М.: Олма Пресс, 2003. С. 237–240; *Волковский Н.Л.* Отечественная журналистика. 1950–2000. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. С. 47–63.

корреспондента, который снабжал бы прессу материалами о жизни за границей. Редакторы советских изданий жаждали анализа и пронизательных комментариев на тему капитализма и социализма, а также интересных историй из жизни людей за границей¹. Вышеупомянутые факторы, а также заявление о соревновании с капиталистической Америкой вновь сделали актуальной задачу наблюдения за развитием социалистических идей в мире. Новые руководители советской прессы думали также, что информация о прогрессе идей социализма на международной арене будет важной для развития социалистической личности².

В ситуации изменяющейся прессы и советского самопозиционирования на международной арене молодых журналистов из международных отделений советской прессы поспешно назначили на посты постоянных корреспондентов в столицы мира. Воодушевленные веяниями нового времени журналисты хотели изменить облик международного репортажа, а также использовать свой зарубежный опыт для продвижения идеи преданности социалистическим ценностям дома. Изменение характера прессы того времени поддерживалось также старшим поколением — писателями и журналистами военного времени, которые достигли всенародного признания своими литературными произведениями и репортажами с фронта. Эти журналисты помогали на первых порах профессиональному развитию молодых журналистов времен «оттепели». От своих наставников новое поколение переняло обязанность просвещения читателей и стимулирования высоких моральных стандартов, а также понимание того, что хороший журналист должен быть хорошим писателем.

Гнилой Запад

Несмотря на то, что советские корреспонденты почти не ссылались на К. Маркса, его теория сильно повлияла на их подход к американскому обществу. Главным наблюдением в отчетах многих журналистов было то, что капитализм и его система ценностей отбирает у людей гуманность и поощряет социальное отчуждение. В капиталистическом обществе, показывали журналисты, выгода — это главный принцип. В результате люди утрачивают чувство человеческой солидарности, перестают заботиться друг о друге и концентрируются исключительно на корысти. Недостаток взаимной ответственности и чувства общности, писали журналисты, характерен для американцев всех классов и рас; отчуждение наблюдается даже между людьми, принадлежащими к одному социальному слою. В итоге люди

¹ *Zubok V. Zhivago's Children...* P. 91–92; Летучки редакции «Известий» неоднократно подчеркивали важность назначения собственных корреспондентов за границу (см.: ГАРФ. Ф. Р–1244. Оп. 1. Д. 70. Л. 20). Дирекция ТАСС не раз упрекала своих работников в сухой подаче информации и требовала более живых репортажей на интересные темы. Хороший пример — письмо директора ТАСС Пальгунова от 21 января 1957 г. в Нью-Йоркское бюро Величанскому. Пальгунов запрашивал информацию, которая могла бы показать читателям яркие картины американского образа жизни, «гнусностей капитализма, американской буржуазной культуры» и т. д. (см.: Там же. Ф. 4479. ТАСС. Д. 740. Л. 1–3).

² *Wolfe T. C. Governing Soviet Journalism...* P. 47–48.

перестают ощущать какой-либо интерес или сочувствие друг к другу: «Старомодная помощь ближнему, попавшему в беду, исчезает, во-первых, потому что на нее не остается времени и энергии, что она вообще не согласна со стилем и темпом жизни. Во-вторых, она неэффективна, кустарна, неспециализирована»¹.

Статьи, критикующие вещизм и восхищение западными товарами, часто появлялись в советских газетах². Журналисты-международники обогащали эти дискуссии описаниями развращения человеческой души американским потребительством. Они не скрывали от своих читателей изобилия продовольственных товаров в Америке, но подчеркивали, что предметы потребления не приносят счастья. Наоборот, объясняли журналисты, потребительство подогревает неосуществленные желания и отчуждает людей друг от друга. Журналисты показывали, что потребительство захватило все сферы человеческого существования: от политики до любви всё превращено в товар и имеет свою цену. Станислав Кондрашов забрел в стрип-бар в Сан-Франциско (исключительно из любопытства) и понял, что всё и везде было на продажу: «...раздетые по пояс девушки оправдывали наценку не к бифштексу, а к пиву. На маленькой эстрадке, переминаясь с ноги на ногу, танцевала молодая негритянка, взмахивая некрасивыми грудями. Она работала — это слово как нельзя лучше подходит — без воодушевления, под музыку из автомата. <...> справа, у самого входа, так же дежурно и неохотно переминалась с ноги на ногу совсем молоденькая блондинка. <...> Дело организовано экономно (музыкальный автомат вместо джаза) и рационально, с соблюдением знаменитого принципа равных возможностей: танцовщицы менялись, чтобы клиент мог рассмотреть их с любого места. <...> „Топлесс“ пошел на поток, как и всякий ширпотреб. Механизированный, рационально организованный сбыт секса, доступного, как центовочные магазины „Вулворта“»³.

Кондрашов указывал, что потребительство удешевляет человека тем, что позволяет купить и продать даже самый интимный аспект личных отношений. Журналисты рассказывали, что американцы участвуют в массовом потребительстве, чтобы найти решение проблем, которые они якобы имеют, но подчеркивали, что эти проблемы неразрешимы бесконечным приобтерением товаров. То, что американский народ ищет, предполагал Кондрашов, на самом деле является тем, что капитализм не позволяет: необходимостью делиться с ближним.

В глазах советских журналистов наиболее очевидным свидетельством кризиса американской социальной структуры были выступления американской молодежи против норм и ценностей капитализма. Массовое превращение молодой американской буржуазии в хиппи, объясняли журналисты, произошло от их желания избежать удешевления человека, свойственного потребительству. Но, как увидел во время своего путешествия по Сан-Франциско Генрих Боровик, перед капиталистической системой невозможно устоять: «Уже в кровь дерутся рэкетеры за об-

¹ Кондрашов С. Свидание с Калифорнией. М.: Молодая гвардия, 1975. С. 35.

² Zubok V. Zhivago's Children... P. 42; Примеры повторения этой темы в советской прессе можно найти в газете «Комсомольская правда» (1956. 5 и 17 января); «Крокодил» (1947. № 8. Март; 1968. № 2. Январь; 1974. Март); Немцов Вл. Собственность и ее поклонники // Известия. 1959. 7 августа; Фомин В. Пospорили сыновья // Правда. 1969. 31 марта.

³ Кондрашов С. Свидание... С. 103–104.

ладание рынком цветов, любви и добра»¹. Журналисты писали, что невозможно избежать деморализующего влияния капитализма, и этим объясняли погружение многих молодых американцев в наркотическую зависимость. «Что же клубится в молодом мозгу, и каким же ненавистно всеильным должно быть общество, если готов он на фактическое самоубийство, лишь бы нарушить тикающие ходики бессмысленной, хотя и благополучной жизни?»² — задавался вопросом Станислав Кондрашов, цитируя статистику наркомании среди молодежи.

Применение марксистского анализа к США обратило внимание журналистов не только на расовые и классовые разрывы, но и на то, что они описывали как дегуманизирующие результаты капитализма и потребительства. Тексты журналистов показывали Америку как страну отчужденных индивидуумов, соревнующихся друг с другом в непрерывной погоне за личной выгодой. Америка была представлена воплощением несправедливого социального порядка, общества с неправильными приоритетами и ценностями, где «есть жизнь сегодняшняя и завтрашняя, жизнь индивидуальная, для себя, без каких-либо коллективных обязательств перед будущим»³.

«У каждой культуры есть образ Другого, выполняющий свою роль в игре сил и значений, которые определяют ее восприятие себя», — пишет Александр Эткинд⁴. Для советской социалистической культуры этим «другим» всегда был капитализм, и значение социализма основывалось на отрицании идей капитализма⁵. После 1945 г. капитализм всё больше ассоциировался с США. Журналисты-международники писали в традиции определения социализма через его контраст с капитализмом и ожидали, что читатели сделают для себя выводы о желательных качествах социалистической личности, исходя из негативных примеров типов личностей, развивающихся при капиталистическом строе. Труды журналистов о США воспитывали представления о том, как капитализм и социализм по-разному способствуют развитию личности. Рассказы о социальном отчуждении в США подчеркивали важность общественной солидарности и выдвигали на первый план советские обязательства обеспечить благосостояние всех граждан. Рассказы о «бедности культурного мира американцев» служили напоминанием о важности воспитания богатого духовного и культурного мира; сосредоточение американского народа на предметах потребления и быте призывало к сопоставлению с советскими стремлениями улучшить будущее усовершенствованием социалистического строя.

Журналисты-международники и их читатели знали, что построение социализма было еще не закончено. За исключением редких случаев корреспонденты не делали прямых сравнений Советского Союза и Соединенных Штатов и не заявляли напрямик о превосходстве социалистической системы. Они скорее

¹ Боровик Г.А. Пролог. М.: Сов. писатель, 1989. С. 24.

² Кондрашов С. Свидание... С. 136–137.

³ Кондрашов С.Н. Блики Нью-Йорка. М.: Сов. писатель, 1982. С. 20.

⁴ Эткинд А. Толкование путешествий. Россия и Америка в травелогах и интертекстах // Новое литературное обозрение. 2001. № 3.

⁵ Kotkin S. Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization. Berkeley: University of California Press, 1995. P. 152–153.

предполагали наличие у читателей знаний о принципах социализма и главных качествах, которыми должна обладать социалистическая личность. Их работы подразумевали, что даже если социализм был еще несовершенным, он породил более благородных людей и был основан на более справедливых законах. Удерживаясь от прямых сравнений и открытых идеологических высказываний, журналисты позволяли читателям сделать эти выводы самим. Таким образом журналисты усиливали эффект своих воспитательных идей о том, как должны вести себя члены социалистического общества. Они удовлетворяли интерес к американскому «другому» и использовали «другого» для иллюстрации желаемых качеств социалистической личности.

Общие элементы в нарративах журналистов говорят о том, что корреспонденты-международники смотрели на Америку через схожую идеологическую призму. Всё же их труды были не только воспроизведением одинаковых идей разными авторами. Каждый журналист имел свой индивидуальный литературный стиль и предпочитаемый им набор вопросов и тем. Ниже я сравню работы двух известных корреспондентов и проанализирую различия в их восприятии Соединенных Штатов, а также роли писателя-журналиста.

Фашист, жующий жвачку: Борис Стрельников

Борис Георгиевич Стрельников родился в 1923 г. на Волге. Окончил школу в 1941 г. и вскоре ушел на фронт. После войны учился в Центральной комсомольской школе и работал редактором в Антифашистском комитете советской молодежи. Комсомольские организации стали стартовой площадкой для его карьеры в журналистике. В 1949–1956 гг. Стрельников был заместителем редактора в международном отделе «Комсомольской правды». Ветераны заграничного репортажа Юрий Жуков и Даниил Краминов пригласили Стрельникова поехать в Нью-Йорк в качестве корреспондента «Правды» в 1956 г.¹ Так началась пятнадцатилетняя карьера Стрельникова в США.

Участие в войне и последующая работа в Антифашистском комитете сильно повлияла на работу Стрельникова в США и на его уникальный подход к роли «инженера человеческих душ». Военные воспоминания Стрельникова часто отражались в его наблюдениях США, и его повествования часто использовали язык, знакомый читателям по описаниям военного времени. Уникальная черта работ Стрельникова — это отождествление многих американских феноменов с фашизмом. В его описаниях антикоммунизм, война во Вьетнаме, консервативные партии и расизм были показаны как проявление фашизма в Америке. В основе описаний США Стрельникова лежит постоянная тема — эпическая борьба между добром и злом. Обращаясь к теме фашизма в своих заметках об Америке, он подчеркивал, что всемирная борьба, начавшаяся во время Великой Отечественной войны, продолжается в его время.

В контексте такого представления конфликта супердержав Стрельников видел роль журналиста в продолжении исполнения профессиональных обязанно-

¹ Грбельников А.А. Журналисты XX века... С. 533–534.

стей военного времени — информирование и мобилизация читателей. Как многие корреспонденты военного времени, которые участвовали в войне на фронте, Стрельников принимает участие в борьбе, которую он освещает: он действующее лицо в своих рассказах; он бросает вызов и противостоит врагам социализма, которые встречаются на его пути; поддерживает словом или делом друзей, которым он сочувствует.

Стрельников сознавал, что он использует фашизм в качестве визуальной и аналитической призмы, через которую смотрит на США, и не скрывал эту перспективу от своих читателей: «По тротуару топали фашисты. Человек двадцать <...> коричневые гимнастерки со свастикой на рукавах были перетянуты портупаями. Икры ног облегалы блестящие кожаные краги. Был жаркий летний день. Фашист в первой шеренге на ходу пил кока-колу из горлышка бутылки. Другой фашист жевал резинку. Третий тащил транзисторный приемник, из которого рвалась на простор лихая ковбойская песня. Вы, наверное, уже догадались, читатель, что вся эта сцена происходила не в Германии, а в Соединенных Штатах Америки. А если еще точнее: в Вашингтоне, на Пенсильвания-авеню, недалеко от Белого дома. Время действия — наши дни»¹.

Стрельников заинтересовался странным маршем и узнал, что люди, которых он видел, принадлежат к Национальному альянсу молодежи (НАМ). Его решение исследовать странный парад свидетельствует о личном увлечении и инициативе в работе. В штабе НАМ журналист с удивлением нашел портреты Гитлера, Муссолини и Франко. Говоря, что «американская галерея» на стене включала портреты Голдуотера и Джорджа Уоллеса, Стрельников показывал, что американские ультраправые и фашисты имели одних и тех же «отцов-основателей». Из разговора с юным членом НАМ Стрельников узнал, что организацию основали молодые сподвижники Джорджа Уоллеса и что их идеологическое кредо — «атака на коммунизм, на либералов, на черных смутьянов»². Этим эпизодом Стрельников показывал, что фашизм всё еще жив в Америке и что он всё еще видит в коммунизме своего самого большого врага. Признание члена НАМ, что его организация планирует вооруженную атаку на коммунизм, вызвало у Стрельникова воспоминания о войне: «Мне вспомнилось, как бывалый старшина учил нас, еще не обстрелянных солдат. С силой бей по двери фашистского бункера ногой, наставлял нас старшина, и в распахнутый проем — ручную гранату. После взрыва — снова к двери. Веером из автомата. Длинной очередью от стены до стены. После этого, кто в живых останется, поднимут руки и будут гуськом выходить из бункера <...> В голове снова мелькнуло: ногой по двери и резким махом гранату <...> Но ведь сейчас не январь сорок второго, и я не под Мценском, а в штате Вирджиния, в городе Арлингтоне. <...> таким образом, тактическая инициатива оставалась за ними. <...> Они ведь здесь дома, а я чужой, война давно закончилась, и через плечо у меня не автомат, а портативный репортерский магнитофон»³.

¹ Стрельников Б.Г. Тысяча миль в поисках души. М.: Правда, 1979. С. 304–305.

² Там же. С. 307. Джордж Уоллес был четыре раза губернатором штата Алабама и кандидатом в президенты США. Поддерживал расовую сегрегацию в США.

³ Там же. С. 308.

Воспоминания о войне и размышления о том, как бороться с фашистами, не только мобилизуют читателя, но и позволяют Стрельникову действовать, бороться с остатками фашизма, даже в его собственном воображении. У Стрельникова появилась возможность бросить фашизму вызов на еще один символический бой при знакомстве с идеологом группы доктором Пирсом: «Наши взгляды перекрещиваются, как шпаги. За стеклами его очков я читаю: „Вместо интервью я бы с удовольствием поставил тебя к стенке“. — „Ты боишься меня, — отвечаю я ему взглядом. — В конце концов, мне наплевать на то, будешь ты со мной разговаривать или не будешь. Я не парламентарий с белым флагом. Но, откровенно говоря, я хотел бы получить интервью, чтобы рассказать об американских фашистах в «Правде»“¹.

В этой конфронтации можно увидеть суть самоконцепции Стрельникова как корреспондента: он одновременно солдат, смотрящий в глаза врагу, и журналист-воспитатель, его победой в этой битве будет возможность показать читателям «Правды» фашизм, сорвать с него маску. Стрельников показывает себя не только представителем «Правды», но и всего Советского Союза, универсальных идей социализма, которые Пирс и его организация пытаются побороть и искоренить. Стрельников бросил вызов Пирсу во время интервью, постоянно напоминая ему, что Россия победила его фашистских героев. Стрельников представляет это интервью, как еще одно доказательство того, что НАМ стремилась устранить коммунистические идеи во всем мире. Враги коммунизма не дремлют, предостерегал рассказ Стрельникова, и советская борьба против фашизма и антикоммунизма продолжается. Это заключение приводится и в конце рассказа: «Фашисты — это только одна из разновидностей американских „ультра“. Таких организаций более сотни, и объединяет их всех махровый антикоммунизм»². Для Стрельникова холодная война значила намного больше, чем просто «догнать и перегнать Америку». В его глазах холодная война была новой фазой во всемирной борьбе абсолютного добра, представленного социализмом, и абсолютного зла, воплощенного в капитализме и его фашистских союзниках.

По логике Стрельникова, фашизм и капитализм были частями одного целого, их цели едины. Сценарий «добро против зла» лег в основу его описаний расовых, культурных и социальных конфликтов в американском обществе. С одной стороны — фашизм и капитализм. Они иногда действуют отдельно, а иногда вместе. С другой стороны — прогрессивные силы или/и жертвы капитализма. Стрельников показывал, что все возможные разновидности сценария «добро против зла» на самом деле являются реконструкциями той же борьбы. Стрельников использовал язык, сходный с тем, которым описывались немецкие злодеяния во время войны, в своих рассказах о трудностях расовых меньшинств и жертв капитализма (беспомощных женщин и стариков; детей, плачущих от страха и голода; молодежи, демонстрирующей исключительную смелость и зрелость в сложных ситуациях). Важность этих описаний в трудах Стрельникова напоминает о войне и военной литературе и создает условную параллель между плачевными результатами американского капитализма и страданиями жертв нацизма: «Если

¹ Там же. С. 309.

² Там же. С. 313.

вы не боитесь, что к горлу подкатит комок, если вы умеете скрывать свою душевную боль, попросите разрешения войти в город и поговорить с бедняками. Вот стоит негритянка с четырьмя детьми. Пятый на руках. Она из Луизианы. Мужа смертельно ранили выстрелом из машины в прошлом году, когда он шел ночью с митинга батраков. Он умер, оставшись должником хозяина. Она до сих пор отработывает долги. Не только она. Вот десятилетний Джимми, ее старший, который сейчас воображает себя звездой бейсбола, подает и ловит воображаемый мяч, — он тоже работает с зари до зари. И восьмилетний Поль тоже работает. А шестилетняя Мэри — старшая из девочек — остается в доме за няньку. Почему плачет младшая на руках? Она хочет есть. Она всё время хочет есть»¹.

К мотиву голодных детей журналист возвращается несколько страниц спустя: «Плачут дети, которые хотят есть. Они ничего не просят, они не привыкли просить. Они просто плачут в полусне»². Плачущие, голодные, дети без перспектив, их истощенные матери, не имеющие ни еды, ни будущего, которое они могли бы дать детям, — повторяющиеся темы в описаниях американских бедняков у Стрельникова. Особенным примером такого описания является его история о «Городе Воскресения», построенном в Вашингтоне участниками Кампании бедных людей³. Окончание истории о «Городе Воскресения» было печальным: «Вчера он (город бедных. — Д. Ф.) был атакован и захвачен полицией. Операция по его захвату продолжалась 80 минут. В плен были взяты около сотни жителей города, в том числе женщины и дети. Не удивляйтесь тому, что я прибегаю к языку военных сводок: другими словами об этом не расскажешь»⁴.

Описания военных действий в этом рассказе показывают, до какой степени военные воспоминания повлияли на восприятие Америки Стрельниковым. Несмотря на то, что описания вооруженных отрядов, нападающих на беспомощных, часто повторяются в рассказах Стрельникова о конфликтах между протестантами и полицией, это единственный случай, когда корреспондент признает, что не может описать того, что видит, иными терминами.

В нарративе Стрельникова «Город Воскресения» является важным примером борьбы против зла, причиненного американским капитализмом. Стрельников показывает, что жизнь этих людей настолько ужасна, что им нечего терять, кроме своих оков. Движимые отчаянием, порожденным капитализмом, они рискуют своей жизнью в постоянных протестах. Но, несмотря на печальный конец,

¹ Там же. С. 362.

² Там же. С. 365.

³ Кампанию бедных людей (The Poor People Campaign) возглавлял д-р Мартин Лютер Кинг и некоторые организации по борьбе за гражданские права. Кампания должна была привлечь внимание к вопросам экономического равноправия и жилья для бедных в США. Главной целью стало принятие билля экономических прав, который обязал бы федеральное правительство дать приоритет помощи бедным. После убийства Кинга в апреле 1968 г. лидеры кампании решили продолжать свои действия в его честь. 12 мая 1968 г. первая группа демонстрантов прибыла в Вашингтон. Через неделю на берегу Потомака они построили «Город Воскресения» — поселок из хижин и хибарок. Демонстранты ходили по различным федеральным учреждениям, пытаясь распространить идеи кампании (<http://poorpeoplecampaignppc.org/HISTORY.html>).

⁴ Стрельников Б. Г. Тысяча миль... С. 369.

Стрельников видел надежду для американских бедняков, и эта надежда заключалась в провозглашенной марксизмом исторической неизбежности: «У стен Капитолия бедняки теряют одно, но обретают другое. Они теряют иллюзии относительно того, что хозяева Америки намерены что-то сделать для бедняков, а обретают сплочение в борьбе за свои права и высокое чувство, которое называется пролетарской солидарностью»¹.

Очерк о «Городе Воскресения» — это история о том, как марксистская логика проявляет себя в жизни простых американцев. Марксистские нарративы присутствуют во всех работах Стрельникова об американском рабочем классе, малоимущих слоях и национальных меньшинствах. Как и рассказ о «Городе Воскресения», другие его повести, освещавшие рабочее противостояние угнетателям-капиталистам, заканчивались надеждой, что в процессе конфликта возникнет пролетарская солидарность.

Несмотря на то, что идея социализма в рассказах Стрельникова об американских рабочих занимала центральное место, автор всё время осознавал различия в сегментах американского общества и в их отношении к Советскому Союзу. Чаще всего он показывал эти различия, рассказывая о своем знакомстве с американцами во время путешествий. Живое преподнесение различных людей и окружения позволяло показать мозаику американского общества, представить различные профессии, классы, расы и политические союзы в США. Это также помогало отразить разнообразие существовавших отношений к СССР.

В рассказе, озаглавленном «Необычное путешествие», Стрельников описывает свою железнодорожную поездку по юго-западной части США. Начало путешествия сопровождалось чувством одиночества и отчуждения: «Кто же едет в нашем вагоне? Кто же мои соседи? Попробуй узнай! Во все купе двери закрыты. Между пассажирами никакого общения. Каждый сам по себе. Никто не ищет партнеров в домино, никто не беседует у окна в коридоре»². Далее, по ходу поездки Стрельников знакомится с другими путешественниками, которые потрясены, когда узнают, что он из Советского Союза. Все люди, которых встречает Стрельников на своем пути, представляют собой различные элементы того, что может быть определено как «средний американец»; все они интересуются Россией, и каждый может сказать о ней что-то позитивное. Пассажиры заходят познакомиться к нему в купе и благодаря этому узнают больше друг о друге. В данном случае Стрельников является участником рассказа, а также исполняет роль воспитателя. Его присутствие меняет и объединяет людей, они больше не являются одинокими пассажирами, чужими и далекими друг от друга: «В Гаррисберге у меня была пересадка. Все десять пассажиров „Серебряного Кубка“ вышли размять ноги. Провожали меня до конца платформы. „До свидания!“, „Счастливого!“ — неслось мне вслед»³.

В этом нарративе Стрельников представляет себя как советского журналиста, несущего американцам свои понятия общности и научившего их какому-то новому знанию о самих себе и о важности общения друг с другом.

¹ Там же. С. 367–368.

² Там же. С. 225.

³ Там же. С. 228.

Во время другого путешествия, на этот раз — перелет на Юг, встреча со «средним американцем» проходит не так хорошо:

Он видел, что я читаю книжку «Куклуксклановец».

— Интересуетесь? — спросил он, обнажая в улыбке белые крепкие зубы. Его, по-видимому, насторожил мой акцент. — Вы, наверное, не южанин, сэр? Из Нью-Йорка? Надеюсь, вы не из тех, кто...

— Я из Советского Союза.

Он резко повернулся ко мне всем корпусом. Ослепительная улыбка исчезла. Он молча рассматривал меня. Медленно извлек из нагрудного кармана пачку сигарет, закурил, медленно выпустил дым в мою сторону. Проще-дил сквозь зубы:

— Впервые вижу живого коммуниста.

— Ну и как?

— Мертвые мне больше нравятся.

— А вы, наверное, куклуксклановец?

— Да, я состою в клане. И пока мы существуем, Юг останется Американским.

— Не могли бы вы пояснить, что вы имеете в виду?

Он криво усмехнулся, приблизил ко мне свое лицо, и я почувствовал запах виски в его горячем дыхании.

— Хотелось бы пояснить тебе кое-что без свидетелей, — прохрипел он.

— Не забывай, что ты в Алабаме, а не в ООН. У нас свои законы, бэби. Ночи у нас темные...¹

Стрельников осознавал, что на глубоком Юге советский коммунист может встретиться с враждебностью и даже агрессией. Тем не менее он показывал себя в образе гордого коммуниста, который спокойно и храбро смотрит в лицо фашистской угрозе. Общение в поезде — это история о русских и американцах, идущих друг другу навстречу, эпизод в самолете — это рассказ о враждебности и конфронтации, жестком и непримиримом столкновении ценностей. Попутчики в поезде оказываются людьми, способными найти общий язык, тогда как встреча с членом ку-клукс-клана показывает, что советский народ никогда не сможет примириться с некоторыми американскими позициями. В контексте основной темы рассказов Стрельникова — универсальной борьбы добра и зла — истории о встречах с американскими людьми указывают на союзников и противников в этом глобальном сражении.

Зарисовки встреч с американцами были излюбленным мотивом рассказов Стрельникова, они позволяли автору представить многогранную картину американского общества². В то же время постоянное использование фашистских образов и разделение описываемых им людей на друзей и врагов социализма поддерживало идею вечной борьбы добра и зла. Каждый случай показывал новую сторону борьбы и призывал к моральному самоотожествлению читателя

¹ Там же. С. 229.

² Сагал Г.А. 25 интервью: так работают журналисты. М.: Изд-во полит. лит., 1978. С. 250.

с социалистической системой. Самопредставление Стрельникова в его рассказах совместимо с его концепцией журналиста как воспитателя и действующего лица исторического процесса: он является активным участником всех встреч, сражается с противниками социализма и учит своих читателей и американцев, попадающих ему на пути, важности социалистических ценностей.

Путешествие американиста: Станислав Кондрашов

Станислав Николаевич Кондрашов родился в городе Горьком в 1928 г. Окончил МГИМО в 1951 г. и был направлен в международный отдел газеты «Известия». Местом его первой командировки за границу стал Египет, куда его назначили на короткий срок для освещения событий на Суэцком канале. Работа Кондрашова произвела настолько сильное впечатление на его редакторов, что в 1957 г. он получил должность постоянного корреспондента в Египте и на Среднем Востоке. Алексей Аджубей, в то время главный редактор «Известий», решил назначить молодого и относительно неопытного Кондрашова в наиболее значительное для газеты зарубежное бюро — нью-йоркское. Первое назначение Кондрашова в Нью-Йорк было в 1961 г., и командировка длилась шесть с половиной лет. С 1971 по 1976 г. Кондрашов работал уже в Вашингтоне.

Кондрашов был наиболее плодовитым писателем из группы советских журналистов-международников. Он опубликовал более десяти книг об Америке, большинство из которых вышли в нескольких изданиях. «Путешествие американиста», последняя из «американских» книг Кондрашова, — выдающаяся благодаря не только глубине самоанализа, но и литературной форме. В отличие от предыдущих книг Кондрашова, которые были отчетами от первого лица, сфокусированными на США, эта книга — рассказ от третьего лица, исследующего роль журналиста в Америке, осмысление своей профессии и личного опыта в Соединенных Штатах.

«Путешествие американиста» — это отчет о поездке главного героя в Соединенные Штаты на полтора месяца, документальный рассказ о реальном путешествии, предпринятом Кондрашовым, хотя он пишет о себе в третьем лице. Неясно, почему он избрал этот метод, чтобы подытожить свою карьеру международного корреспондента. Возможно, такая повествовательная форма предполагает, что личный опыт журналиста имеет также более широкое значение для понимания взаимоотношений между Советским Союзом и Соединенными Штатами. В предыдущих произведениях о США Кондрашов затрагивает личные темы, но в этой книге они занимают центральное место. Следовательно, я проанализирую эту в высшей степени интроспективную книгу как удобную перспективу для объяснения представления Кондрашова о своей работе.

Кондрашов представляет свою жизнь посвященной переживанию и описанию страны, которая не является его родной. Он подчеркивает, что не собирался связывать свою жизнь с Америкой; это его работа: «Профессия стала образом жизни и самой жизнью. Его так и представляли: журналист, пишущий на международные темы. Или в лучшем случае, как титул жалуя, — публицист. Журналист

или публицист, не всё ли равно, но как расскажешь о времени и о себе, минуя главное и во времени, и в себе — свою собственную страну?»¹.

Предупреждая потенциальное восхищение советских читателей Америкой и его тамошней жизнью, он подчеркивает трудности жизни в Америке, а также жертву, которую требует его профессия: болезненную разлуку с родной страной. Профессия американиста разрывает его личность. С одной стороны, она превращает героя во что-то похожее на американца, а с другой — требует проводить свою жизнь в месте, где он чувствует себя чужим. В результате ощущение своей лиминальной позиции побуждает Кондрашова спросить самого себя, не напрасно ли прожита его жизнь: «Он не может разделить воспоминания своих заграничных лет со своим народом, потому что его народ жил дома, а не за границей, и происходившее за границей не переживал. И он не может в полной мере разделить свои воспоминания с чужим народом, среди которого жил, потому что не был частицей этого народа и, соответственно, на происходившее с ним смотрел глазами постороннего человека, пусть даже объективного и доброжелательного»².

Кондрашов боится, что прожитая им жизнь является жизнью не участника, а всего лишь наблюдателя. Ощущение, что он не является частью жизни Советского Союза, приводит к внутренней дилемме относительно его роли как писателя и журналиста. Как «инженера человеческих душ», его роль состоит в просвещении соотечественников посредством своих произведений. Но он чувствует, что для того чтобы это призвание было реализовано, его работа должна иметь значение для советских граждан. Повторение слова «невысказанность» в описаниях Кондрашовым американиста наводит на мысль, что главная цель этого автобиографического произведения — выражение уроков, полученных во время жизни за границей: «Невысказанность распирала его, и ему казалось, что это личное обстоятельство, а именно обилие впечатлений, накопленных за океаном одним из бойцов идеологического фронта, должно представлять и общественный интерес, должно быть учтено в нашем общем идеологическом хозяйстве. <...> При нашем плановом хозяйстве, при учете всех и всяческих ресурсов оказывался не нужным главный ресурс — человеческая личность. Книга газетчика не относилась к социалистическим формам собственности. Шла по категории подсобного хозяйства, которым разрешено заниматься лишь в нерабочие часы, приравнивалась к парнику частника, с которого ранние огурцы и клубнику везут на колхозный рынок»³.

Целью Кондрашова в этой итоговой книге было высказать всю важность его работы и показать его собственную значимость как социалистического писателя. Его опыт казался ему чрезвычайно важным, особенно в период поездки, которая легла в основу этой работы: 1984 г., когда взаимоотношения между двумя странами пришли в крайний упадок, и угроза ядерной войны выглядела реальнее, чем когда бы то ни было.

¹ Кондрашов С.Н. Путешествие американиста // Долгий взгляд на Америку. М.: Международные отношения, 1988. С. 484–485.

² Там же. С. 516.

³ Там же. С. 512.

Итак, какой вклад мог внести американист в жизнь и представления его современников? Ответ прост: его профессиональные знания о Соединенных Штатах были необходимы для распространения социализма в мире. Для того чтобы догнать и перегнать капитализм, советский народ должен понимать достоинства и слабости обеих систем: «Наши недостатки и недоделки, наше отставание в мире вещей, изъяны нашего быта рождают по ту сторону океана психологию превосходства, а она в свою очередь работает на наших ненавистников и дает им аргументацию против нас. <...> Исторически выход известен, прост и чрезвычайно труден: работать, работать и еще раз работать. Лучше них. Выигрывать раунды материального и духовного соревнования социализма с капитализмом. Ради процветания нашего народа и ради примера всему миру. Не силой оружия, а силой примера»¹.

Только став совершеннее в обеих сферах — материальной и духовной, — социализм сможет завоевать будущее. Постоянное наблюдение за капитализмом, считает Кондрашов, позволит осуществить социалистические идеи; только посредством сравнения Советский Союз сможет узнать о достижениях социализма в мире и о том, что необходимо сделать для его будущего продвижения. Для решения этой задачи более всего подходит именно американист с его огромным жизненным опытом: его положение позволяет ему как нельзя лучше выделить то, что следует сделать для совершенствования социализма и его победы над капитализмом: «Мало провозгласить, что будущее принадлежит нам. Во имя коммунистической идеи надо работать лучше них так, чтобы своими достижениями, всем устройством своей жизни и, главное, нашим человеком в братстве с другими людьми превзойти их материальные достижения и их человека, отделенного инстинктом собственника от других людей. Надо бесстрашно смотреть в лицо меняющейся жизни, в глаза правде и точно оценивать, где стоит твоя страна — относительно других стран и других народов»².

В этих абзацах мы видим Кондрашова в роли воспитателя и наставника. Он представляет читателям пороки капитализма в том виде, в котором они проявились в Америке, где исключительная нацеленность на успех в материальной сфере привела к социальному отчуждению. Он подчеркивает, что задачей Советского Союза является преодоление этой модели, и объясняет, как выработать более совершенную модель. Для того чтобы победить капитализм и завоевать сердца и умы в универсальной борьбе, высшие социалистические идеи должны сочетаться с высоким качеством материальной жизни.

Кондрашов неоднократно повторяет, что социализм победит не силой оружия, а силой примера. И в этом заключается еще один урок, который он хочет преподать своим соотечественникам: чтобы мирно сосуществовать с Америкой, необходимо научиться понимать ее, потому что в эпоху ядерного оружия мир не может рисковать еще одной войной. Кондрашов показывает, что, несмотря на идеологические разногласия, обе страны связаны друг с другом, и СССР, и США несут ответственность за будущее мира, вступившего в ядерную эпоху. В последний день своего пребывания в США Кондрашов получает нео-

¹ Там же. С. 390—391.

² Там же. С. 520.

жиданное предзнаменование, вселяющее надежду: успех в американском прокате фильма «И-Ти». В интерпретации Кондрашова даже этот обыденный случай может быть поучителен для советского народа: «Инопланетянину тяжело на той земле, без которой, вне которой мы жить не можем. Всякое живое существо тянется домой. И если ты любишь свой дом и свою страну, ты должен уважать любовь других людей и даже инопланетян к их дому, к их стране, к их планете. В такой умной и зоркой любви к своему — залог планетного и межпланетного братства. По существу, этот фильм проповедовал „новое мышление“, к которому вскоре после появления ядерного оружия призвали Альберт Эйнштейн и Бертран Рассел и которое может вырасти лишь из „старого“ гуманистического мышления»¹.

Здесь Кондрашов вновь подчеркивает собственный вклад как воспитателя. Он может научить жителей Советского Союза не только, как победить капитализм, но и как развить взаимопонимание и совместное существование с Америкой. Искоренение взаимных подозрений и мирное сосуществование двух стран может быть достигнуто исключительно с помощью взаимного понимания и уважения. Осведомленность американиста о другой стороне критически важна для развития взаимопонимания, которое незаменимо для предотвращения ядерного разрушения и спасения будущего.

Кондрашов старается сформулировать свое собственное значение для его страны и соотечественников на важном историческом перепутье. Но высказанность имеет еще и личное значение. Отчетливое выражение собственных мыслей поможет Кондрашову собрать в единое целое части своего «я». Установив собственную принадлежность и вклад в дело социализма, Кондрашов сможет восстановить чувство принадлежности к своей стране. Красной нитью, проходящей сквозь все его американские наблюдения, является присущее Кондрашову чувство собственной инаковости, чуждости, не только за границей, но и дома: «В напряжении своего заграничного и преимущественно служебного существования американист не чувствовал себя свободным даже в таком произвольном деле, как выбор воспоминаний. Другая жизнь незаметно и властно навязывала другой строй души. <...> Он снова попал в плен изменившегося внутреннего ритма, и этот ритм, независимо от его воли, был навязан другой землей»².

В заключительной части книги отражены надежды Кондрашова на то, что изложение собственных мыслей поможет изгнать чувство отчуждения дома и за границей и вновь привнесет ясность не только его профессиональной самоидентификации, но и его самовосприятию как личности: «Предельно обнажено твое частное, личное — жизнь, судьба, тоска, ностальгия. И так же предельно — твое ощущение общего на стыке двух стран в один ядерный век. Человек частный и человек общественный, через которого причудливо пропущено время, — вот что недоговорено, и вот почему ты мучаешься невысказанностью и всё время едешь туда, хотя тяжел на подъем и всё больше понимаешь условность своей тамошней жизни. И эта центральная мысль, это объяснение твоих мук вдруг приходит в морозный с высокой луной и искрами в снегу вечер, когда, сев в уединении

¹ Там же. С. 525.

² Там же. С. 474.

за письменный стол, приступаешь к еще одной попытке свести счеты со своими читателями»¹.

Кондрашов открывается перед читателями и впускает их в свой внутренний мир: ощущение отчуждения, желание найти свою принадлежность и быть на своем месте, меланхолическое чувство, присущее людям среднего возраста, которые задаются вопросом, не оказалась ли их молодость потраченной впустую. Он высказывает не только профессиональные соображения, но и глубоко личные переживания по поводу своей частной жизни. Кондрашов тщательно подбирает формулировки для того, чтобы возратить цельность собственного бытия, объединить профессиональную и личную сферы своей жизни. Его призывы к соотечественникам усердно трудиться и перегнать капитализм могут быть своего рода обращениями к самому себе: вызов преодолеть влияния заграничной жизни на собственное «я». Кондрашов показывает, как четкое выражение собственных мыслей сможет показать универсальное значение даже этих частных, личных тревог: чувство собственной отчужденности выявит недостатки капиталистической системы; обнажение своих личных эмоций может показать, как восстановить собственную принадлежность к социалистическим целям. Выражение своих мыслей поможет Кондрашову снова достичь целостности собственной личности, прояснение его собственного вклада как социалистического писателя также восстановит чувство принадлежности к социализму.

Фронтовой опыт Бориса Стрельникова был центральным мотивом в его сочинениях о США, и единственные отражения его внутреннего мира относятся к этому опыту. Даже в этих случаях его личное фактически является общественным — в его военных воспоминаниях мы видим Стрельникова — солдата и коммуниста. Ретроспекции подчеркивают его концепцию профессиональных функций журналиста и педагога. В рассказах Кондрашова военные метафоры практически отсутствуют. Его произведения в большей степени раскрывают внутренний мир журналиста и изобилуют личностными переживаниями: отчуждением, одиночеством, тревогой. В изложениях Стрельникова журналист никогда не отступает: он представлен верным советской и коммунистической идее, а также постоянно придерживается своей миссии просвещения соотечественников и американцев вокруг него. Он демонстрирует абсолютную убежденность относительно цели его зарубежной жизни и не поддается ее соблазнам. Кондрашов, с другой стороны, позволяет себе проявить профессиональную неуверенность и использует рассказ, чтобы поставить под вопрос самопонимание своей роли писателя и журналиста. В отличие от своего старшего коллеги Кондрашов позволяет себе раскрыть личные переживания, поразмышлять о своей молодости и даже признать влияние Америки на себя.

Борис Стрельников прошел профессиональную подготовку у старшего поколения писателей и журналистов. Характерные особенности его самопрезентации: приверженность делу социализма, определенность моральных норм и абсолютное слияние профессионального и личного начал — типичны для советской литературы и понимания человека 1930–1940-х гг. Хотя Кондрашов был только на пять лет моложе Стрельникова, война разделила их и способствовала

¹ Там же. С. 541.

сближению первого с молодым поколением и литературными традициями конца 1950–1960-х гг. В работах Кондрашова принятие социалистических ценностей и важность его роли как педагога не очевидны, но проявляются путем исследования, противопоставления и размышления. Он признает существование личной жизни, отделенной от профессиональной, а затем пытается их объединить.

Вышеописанное сравнение противоречит традиционным восприятиям советской прессы как безликого монолита пропаганды. Разные стили этих журналистов можно частично объяснить особенностями газет, на которые они работали. «Правда» была правой рукой партии, и для корреспондента было бы неправильно преподносить себя иначе, чем искренне приверженным. «Известия», с другой стороны, позиционировали себя как газета интеллигенции, что сделало возможным проявление личных чувств и размышлений и утверждение социалистических идей с помощью мысли и созерцания.

Оба журналиста использовали описание Соединенных Штатов для того, чтобы продвигать социалистические идеалы и предлагать модели для формирования социалистической личности. Разные стили участия в собственном тексте, несходные концепции роли писателя, а также различные степени раскрытия внутреннего мира иллюстрируют разнообразие стилей, характерных для их поколения журналистов. Эти различия — также пример того, что работа журналистов в советской прессе могла служить средством выражения личных мнений и индивидуального понятия социалистической идеологии.